

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Ибн-Фадлан «Записка» о путешествии на Волгу

«Записка» Ахмеда Ибн-Фадлана — чрезвычайно важный источник по истории Восточной Европы X века. Ее автор посетил Волжскую Булгарию в составе посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908-932 гг.). Поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии, который, желая избавиться от власти хазар, просил покровительства халифа и обещал принять ислам. Посольство вышло из Багдада в 921 г. и прибыло в Волжскую Булгарию в мае 922 г. О его результатах ничего не известно, но Ибн-Фадлан (возможно, второе лицо в посольстве) оставил подробный отчет о путешествии, и в этом отчете приводится множество уникальных сведений этнографического характера о гузах, башкирах, булгарах и хазарах. Кроме этого, Ибн-Фадлан видел в Булгарии русов и оставил подробное описание их погребального обряда.

Отчет Ибн-Фадлана был широко известен в арабско-персидском мире. По свидетельству географа XIII века Йакута ар-Руми, работавшего в Мерве, в его время это сочинение было весьма распространено и находилось у многих лиц в восточном Иране. Сам Йакут включил несколько фрагментов из Ибн-Фадлана в свой «Географический словарь», дошедший в нескольких списках.

Единственный известный список «Записки» Ибн-Фадлана был обнаружен востоковедом А.З.В.Тоганом (А.З.Валидовым) в 1920-х годах в библиотеке при гробнице имама Али ибн-Риза в Мешхеде (Иран). К сожалению, конец рукописи отсутствует, причем неизвестно, скольких листов не хватает. В 1937 г. фотокопия Мешхедской рукописи была передана в дар Академии наук СССР от правительства Ирана, и на ее основе А.П.Ковалевским было подготовлено издание на русском языке. В 1956 г. им же было подготовлено существенно переработанное и дополненное издание, но наша электронная публикация основана на издании 1939 г.

В издании 1237 ссылок, в основном ими отмечены комментарии по существу перевода. Проведено также сравнение текста Мешхедской рукописи со всеми списками словаря Йакута. В электронной публикации мы сочли возможным ограничиться только некоторыми из комментариев и убрать все отсылки на Йакута. Скобками обозначены вставные слова, не имеющие соответствия в арабском оригинале.

Выверено по изданию: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Изд. Академии наук СССР М-Л, 1939. [Перевод и комментарии А.П.Ковалевского.] Под редакцией И.Ю.Крачковского.

**[55] Книга Ахмада Ибн-Фадлана
Ибн-аль-'Аббаса Ибн-Рашида Ибн-Хаммада,
клиента Мухаммада Ибн-Сулаймана,
посла аль-Муктадира к царю славян**

Это — Книга Ахмада ибн-Фадлана ибн-аль-'Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента

Мухаммада ибн-Сулаймана, посла¹ аль-Муктадира к царю славян, в которой он сообщает о том, что он сам видел в стране турок, хазар, русов, славян, башкир и других (народов), по части различий их вероучений, истории их царей, положения многих из их дел.

Говорит Ахмад ибн-Фадлан: когда прибыло письмо аль-Хасана сына Балтавара, царя славян, к повелителю правоверных аль-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему (людей) из тех, кто научил бы его вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвигнул бы для него минбар, чтобы совершалась на нем молитва за него (царя) в его городе и во всем его государстве, и просит его о постройке крепости, чтобы он укрепился в ней от царей, своих противников, то он получил согласие на то, о чем он просил. Посредником у него² был Надир аль-Хурами. И был избран я для прочтения ему (царю) письма и передачи того, что было подарено ему, и для надзора над факихами и му'аллимами. А какая у него (халифа) была причина посылки этого богатства ему (царю), так это для той постройки, о которой мы сообщили, и для уплаты за факихов и му'аллимов за село, известное под названием Артахушматин из земли Хорезм, из числа сел Ибн-аль-Фурата³. Посол к аль-Муктадиру от владетеля славян был муж, которого зовут Абдаллах ибн-Башту аль-Хазари (хазарец), а послом со стороны султана (халифа) Сусан ар-Расси, клиент Надира аль-Хурами и Такин ат-Турки (турок), Барис ас-Саклаби (славянин) и я вместе с ними, как я уже сообщил. Итак я вручил ему⁴ подарки для него, для его жены, для его детей, для его братьев, для его предводителей и лекарства, о которых он писал Надиру, прося их. И мы выехали из Города мира (Багдада) в четверг, когда прошло одиннадцать ночей от (месяца) сафара года триста девятого⁵. Мы оставались в ан-Нихраване⁶ один день и (далее) ехали усиленно, пока не достигли ад-Даскары⁷. В ней мы оставались три дня. Потом мы отправились стремясь, не сворачивая ни перед чем, пока не прибыли в Хулван⁸ и оставались

¹ [1] У Йакута выходит прямо, что послом был сам Ибн-Фадлан. Несомненно, что и полное заглавие имеет в виду также именно это, так как патрон его Мухаммад ибн-Сулайман с посольством не ехал вовсе. Однако из дальнейшего видно, что во главе посольства официально стоял Сусан-ар-Расси, хотя Ибн-Фадлан, по-видимому, играл ведущую роль.

² [2] Речь тут идет о переговорах с болгарским послом **в самом Багдаде**, для чего и был назначен от халифа этот аль-Хурами.

³ [3] Это, очевидно, Абу-ль-Хасан Али ибн-Мухаммад ибн-Муса ибн-аль-Хасан ибн-аль-Фурат. Он был трижды везирем халифа аль-Муктадира в годах 908-912, 917-918, 923-924. В описываемое время, т.е. в 921 г., он был в немилости и его имущество конфисковано, однако его сын аль-Мухассин имел влияние при дворе и позднее (в августе 923 г.) добился помилования своему отцу. В свете этих обстоятельств следует рассматривать и передачу его земель в Хорезме.

⁴ [4] По-видимому, самому «владетелю славян». Здесь Ибн-Фадлан предвосхищает события, о которых рассказывает позднее. Надир аль-Харами, как видим дальше, тоже писал к царю Булгара, наряду с халифом и везирем. Выше сказано, что царь обратился первоначально именно к Надиру аль-Харами за посредничеством в деле передачи письма халифу.

⁵ [5] Т.е. в четверг 21 июня 921 г.

⁶ [6] Местность между Багдадом и Васитом.

⁷ [7] Йакут указывает под этим именем одно село на запад от Багдада, а другое «село на дороге в Хорасан недалеко от Шахрабана».

⁸ [8] Город у горного прохода Загрос — Zagripulac на берегу р.Хулванчай, на границе старой провинции аль-Джибаль.

в нем два дня и поехали из него в Кармисин⁹ и оставались в нем два дня, потом отправились и поехали, пока не прибыли в Хамадан и оставались в нем три дня, [56] потом поехали, пока не дошли до Сава¹⁰ и оставались в нем два дня, а из него в ар-Рай, и оставались в нем одиннадцать дней, чтобы подождать Ахмада ибн-'Али аху-Су'лука¹¹, так как он был в Хувар-ар-Райе¹², потом мы отправились в Хувар-ар-Рай и оставались в нем три дня, далее отправились в Симнан¹³, потом из него в ад-Дамган¹⁴, сторонника ад-Да'и¹⁵, и потому мы скрылись в караване и ехали усиленно, пока не дошли до Найшабура. Лайла ибн-Ну'ман¹⁶ был уже убит, и мы застали в нем (Найшабуре) Хаммавайха Куса¹⁷, командующего войском Хорасана. Потом мы отправились в Сарахс, потом из него в Марв, потом из него в Кушмахан, а это край пустыни Амуля, и оставались в нем три дня, чтобы дать отдохнуть верблюдам для въезда в пустыню. Потом мы пересекли пустыню до Амуля, потом переправились через Джайхун и прибыли в Афирабр-рабат Тахира ибн-'Али¹⁸. Потом мы отправились в Байканд, потом мы въехали в Бухару¹⁹ и прибыли к аль-Джайхани. Он секретарь эмира Хорасана, и его прозывают в Хорасане шейх-опора²⁰. Он прежде всего озаботился достать для нас жилье и назначил для нас человека, который бы удовлетворял наши потребности и успокаивал бы наши нужды во всем, что мы пожелаем. Итак, (у него)

⁹ [9] Город между Хулваном и Хамаданом около ад-Динавара; между ним и Хамаданом 30 фарсахов.

¹⁰ [10] Город между ар-Райем и Хамаданом, в середине между ними (расстояние от того и другого 30 фарсахов).

¹¹ [11] Об этом правителе ар-Райа см. ат-Табари III, 2292 и 'Ариб 51, под 302=914-915 г. по поводу неурядиц в Хорасане и у 'Ариба же, стр. 67, под 305=917-918 г.

¹² [12] Хувар — большой город в областях ар-Райа. Между ним и ар-Райем около 20 фарсахов.

¹³ [13] Большой город между ар-Райем и Нишапуром.

¹⁴ [14] Может быть, о нем у ат-Табари, III, 1575, 1622, 1663, 1664.

¹⁵ [15] Ад-Да'и — «призывающий, проповедник, миссионер» и титул, особенно у мусульманских сектантов (шиитов, исмаилитов, карматов и т.д.), но, с другой стороны, «мятежник, создавший свою партию, еретик». В данном случае, по-видимому, имеется в виду табаристанский имам Хасан ад-Да'и ила-ль-хакк ас-Сагир (917-923 г.), представитель еретической династии Алидов, отвергавших багдадского халифа.

¹⁶ [16] Лайла ибн ан-Ну'ман ад-Дайлами, полководец табаристанского имама Хасана ибн ал-Касима ад-Да'и ас-Сагира. Он занял Нишапур в 308 г. и даже чеканил свою монету. Казнен в месяце раби-аль-авваль 309 г. (10 VII — 8 VIII 921 г.).

¹⁷ [17] Это — Хаммуя ибн-'Али, полководец Саманидов, высланный против Лайла.

¹⁸ [18] Несомненно, это — Фирабр, о котором Йакут пишет: «Городок между Джайхуном и Бухарой. Расстояние между ним и Джайхуном около фарсаха. Он был известен как рабат Тахира ибн-'Али».

¹⁹ [19] Маршрут этого пути от Багдада до Бухары дан у Ибн-Хордадбега (De Goeje, VII, арабск. текст стр. 18, 19, 21-25; перевод стр. 14-15, 17-19), причем он дает и расстояния в фарсах, так что можно судить о быстроте передвижения путешественников.

²⁰ [20] Здесь «аль-'амид» — в значении определенного титула. Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн-Ахмад аль-Джайхани — известный географ министр Саманидов. Хаджи Халифа рассказывает, как он любил принимать у себя путешественников и расспрашивать их о странах, в которых они бывали. Его сочинения написаны в 892-907 гг.

мы оставались (ряд) дней. Потом он испросил для нас аудиенцию у Насра ибн-Ахмада²¹, и мы пошли к нему. А он безбородый мальчик. Мы приветствовали его как эмира, а он приказал нам сесть, и первое, с чего мы начали, это что он сказал: «Каким вы оставили моего господина, повелителя правоверных, да продолжит Аллах его пребывание (в этом мире) и мир в душе его, его слуг, и его приближенных». Мы сказали: «В благополучии». Он сказал: «Да прибавит ему Аллах благополучия!» Потом было прочитано письмо к нему относительно передачи Артахушматина от аль-Фадла ибн-Муса ан-Насрани (т.е. христианина), управляющего Ибн-аль-Фурата, и передачи его (села) Ахмаду ибн-Муса аль-Хуваризми (т.е. Хорезмийцу) и доставки нас и письма к его (эмира) правителю в Хорезме²², (письма) с устранением препятствий для нас и письма в Баб-ат-турк с эскортированием нас и с устранением препятствий для нас. Он сказал: «А где Ахмад ибн-Муса?» — Мы сказали: «Мы оставили его в Городе мира (Багдаде) с тем чтобы он выехал после нас через пять дней.» Тогда он сказал: «Слушаюсь и повинуюсь тому, что приказал мне мой господин повелитель правоверных, да продолжит Аллах остаток его жизни». Он сказал²³: весть (об этом) дошла до аль-Фадла ибн-Муса ан-Насрани, управляющего Ибн-аль-Фурата, и он привел в действие свои хитрости по делу Ахмада ибн-Муса, — написал к начальникам полиции по хорасанской дороге (на участке) от окружного города Сарахса до Байканда, чтобы они послали разведчиков о (местопребывании) Ахмада ибн-Муса-аль-Хуваризми по постоянным дворам и таможенным постам, а он (Ахмад) человек с такой-то внешностью и качеством, так что, кто схватит его, пусть держит его, пока не придет к нему наше письмо, которому (пусть) и повинуются. Итак, он был схвачен в Марве и связан. И оставались [57] мы в Бухаре двадцать восемь дней. Аль-Фадл ибн-Муса также сговорился с Абдаллахом ибн-Башту и другими из наших товарищей, которые стали говорить: «Если мы останемся, то неожиданно наступит зима и пройдет время для въезда (в новую страну), а Ахмад ибн-Муса, когда прибудет к нам, он последует за нами».

Он (Ибн-Фадлан) сказал: я видел дирхемы Бухары разных сортов (цветов), из них дирхемы, называемые аль-гитриф²⁴. Они состоят из меди, красной меди и желтой меди, из которых берется количество без веса. Сто из них (дирхемов) равны дирхему из серебра. А вот условия их относительно калымов за их женщин (говорят): «Женится такой-то сын такого-то на такой-то дочери такого-то за столько-то и столько-то тысяч дирхемов гитрифских». И тоже таким же образом (происходит) покупка их недвижимых имуществ и покупка их рабов: они не упоминают других (сорт) дирхемов. У них есть (еще) дирхемы (для которых) взята только одна желтая медь. Сорок из них равны (одному) данаку²⁵. У них также есть дирхемы желтой меди, называемые самаркандскими. Шесть из них равны данаку. Итак, когда я услышал слова 'Абдаллаха ибн-Башту и слова других, предостерегавших меня от неожиданного наступления зимы, мы выехали из Бухары, возвращаясь к реке, и наняли

²¹ [21] Саманидский эмир 301-331 г. (914-943). Взошел на престол в январе 921 г. мальчиком девяти лет. Значит, осенью 921 г. ему было 16-17 лет.

²² [22] Это слово значит и «владелец» как самостоятельный государь, и «правитель» губернатор, но, конечно, на правах вассального феодала. Хотя Хорезм был фактически независим, но данное выражение, мне кажется, указывает на идею вассальной зависимости от Саманидов, так как местоимение «его» может относиться только к Насру ибн-Ахмаду.

²³ [23] Это, очевидно, относится к автору, т.е. «Сказал Ибн-Фадлан».

²⁴ [24] Дирхемы, которые чеканил Гитриф ибн-Ата, правитель Хорасана в халифство Харуна-ар-Рашида, весьма ценившиеся в Бухаре

²⁵ [25] Монета, шестая часть серебряного дирхема.

корабль до Хорезма. А расстояние до него от места, от которого мы наняли корабль, более двухсот фарсахов, так что мы ехали несколько дней. Для нас путешествие по ней (реке), все в целом, не было одинаково, вследствие холода и его силы, пока мы не прибыли в Хорезм. Мы явились к его (Хорезма) эмиру. Это Мухаммад ибн-'Ирак²⁶ Хорезм-шах. Итак, он почтил нас, одарил нас и устроил нас, давши жилье. По прошествии трех дней, он велел нам прийти, обсудил с нами (вопрос) о (нашем) въезде в страну турок и сказал: "Нет для вас соизволения на это и не годится (мне) оставить вас, чтобы вы вслепую рисковали вашей кровью. Я знаю, что это хитрость, которую подстроил этот отрок, то есть Такин, так как он был у нас кузнецом и он уже ознакомился с продажей железа в стране неверных, и он был тот, который обманул Надира²⁷ и побудил его обратиться к повелителю правоверных и передать ему письмо царя славян. Великий эмир, то есть эмир Хорасана²⁸, имел больше прав воздвигнуть проповедь за (в пользу) повелителя правоверных в этой стране, если бы он нашел возможность, потому что вы далеко и так как между вами и этой страной, о которой вы говорите, (есть) тысяча племен неверных. И это (все) искажение правды в отношении султана²⁹. Итак, я советую вам: необходимо (отправить) письмо к великому эмиру, чтобы он снесся с султаном, — да споспешествует ему Аллах, путем переписки, а вы останетесь (здесь) до того времени, как возвратится ответ". И так мы ушли от него в этот день. Потом мы снова пришли к нему и не переставали подлаживаться к нему и льстить ему, говоря: «Вот это приказ повелителя правоверных и его письма, какой смысл сноситься с ним по этому поводу», так что он дал нам разрешения. Итак, мы спустились из Хорезма в аль-Джурджанию. Между ней и Хорезмом по [58] воде пятьдесят фарсахов. Я видел хорезмские дирхемы обрезанные и свинцовые и неполновесные и медные. И они называют дирхем «тазиджа», когда вес его четыре данака с половиной. Менялы из них (из их среды) продают кости (для игры) и чернильницы и дирхемы. Они (хорезмийцы) самые грубые из людей по разговору и по природе. Их разговор похож вроде как кричат скворцы. Около же (аль-Джурджании) есть селение на (расстоянии) дня (пути), называемое Ардаку. Население его называется аль-Кардалия (кардалийцы). Их разговор похож вроде как на кваканье лягушек. Они отрекаются от повелителя правоверных 'Али ибн-Абу-Талиба, — да будет им доволен Аллах, — в конце каждой молитвы. Итак, мы остались в аль-Джурджании (много) дней. И замерзла река Джайхун от начала до конца ее³⁰, и была толщина льда семнадцать четвертей³¹, и лошади, и мулы, и верблюды, и повозки проходят через него, как проходят по дорогам, а он был тверд, не сотрясаясь. И он оставался в таком виде три месяца. И мы

²⁶ [26] Этого имени нет в Zambaur, Manuel de géographie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam, 1927, p.208, «Kharismschahs», где для Хорезма эпоха до 340 г. обозначена как время несамостоятельных правителей, и имен почти нет. Оно приведено у E.Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwarezm. — SBAW LXXIII, 1873, 503; ср. Albani, Chronologie... ed. E.Sachau. Lpz., 1878, S.241.

²⁷ [27] Т.е. Надира-аль-Харами, который вел переговоры с послом болгар в Багдаде.

²⁸ [28] Т.е. Наср-ибн-Ахмад, саманидский эмир.

²⁹ [29] Итак, мы узнаем, что Такин ат-Турки жил когда-то в Хорезме. Хорезмшах обвиняет его в том, что он подстроил все это посольство от халифа к болгарам, нарушая преимущественное право саманидского эмира, который ближе к этим немусульманским странам.

³⁰ [30] По толкованию Йакута, «сверху до дна».

³¹ [31] Четверть — расстояние от вытянутого большого пальца до мизинца, пядь, пядень.

увидели страну (такую), что у подумали, это не что иное, как врата аз-Замхарира³², открывшиеся из нее на нас. Снег не падает в ней иначе, как с порывистым сильным ветром. Если человек (муж) из (числа) жителей ее (страны) сделает подарок своему приятелю или захочет (сделать) ему благодеяние, то он говорит ему: «Поднимемся ко мне, чтобы нам поговорить, ведь действительно у меня хороший огонь». И вот он (тем самым) оказывает ему наибольшее свое благодеяние и свою благосклонность. Но только Аллах великий был милостив к ним относительно дров, — он сделал их дешевыми для них: груз повозки дров (дерева) аттаг³³ стоит каких-нибудь два дирхема, вес ее составляет три тысячи ратлей³⁴. Обычай нищих у них (таков), что нищий не останавливается у дверей, но входит в дом кого-нибудь из них и сидит некоторое время у его огня греясь. Потом говорит: «паканд», что значит «хлеб». Наше пребывание в аль-Джурджании затянулось, а именно действительно мы оставались в ней дни (месяцев) раджаба, ша'бана, месяца рамадана, шавваля³⁵, и продолжительность пребывания нашего была в зависимости от холода и его силы. Действительно, до меня дошел рассказ, что двенадцать верблюдов (отправились), чтобы двое (человек) привезли на них дров из некоторых плавней, и эти оба забыли взять с собою огниво и трут. И вот они оба заночевали без огня. Когда же они утром встали, то верблюды были мертвы от силы холода. И действительно, я видел у воздуха его холод³⁶ и (то), что базар при нем (таком воздухе) и улицы действительно пустеют до того, что человек обходит большую часть улиц и базаров и не находит никого, и его не встречает ни один человек. Как-то выхожу я из бани и, когда я вошел в дом и посмотрел на свою бороду, она один сплошной кусок из снега, пока я не приблизил ее к огню. И действительно, я находился целые дни в самой середине дома, а в нем юрта из турецких войлоков, и я устраиваю себе гнездо из одежд и мехов. И иногда приклеивалась моя щека на подушке. И действительно, я видел, как цистерны³⁷, покрытые шубами из шкур овец, ночью [59] раскалывались и разбивались, так что это (покрывание) ничего не помогало. И действительно, я видел землю, которая растрескалась и в ней (образовались) большие овраги от силы холода, и что огромное древнее дерево действительно раскололось на две половины от этого.

Когда же прошла половина шавваля триста девятого года, время начало меняться, река Джайхун растаяла, и мы принялись за необходимые принадлежности для путешествия. Мы купили турецких верблюдов и велели сделать дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, через которые нам нужно будет переправляться в стране турок. Мы запаслись (в дорогу) хлебом, просом, сушеным мясом на три месяца. Мы попросили тех из жителей (этой) страны, с кем мы дружили, о содействии относительно одежд и в получении их в большом количестве, и они ужаснули нас этим предприятием и преувеличили рассказ о нем, но когда мы это увидели, то оно оказалось вдвое больше того, что нам было описано. Итак, на каждом человеке из нас была (надета) куртка, поверх нее хафтан, поверх него шуба, поверх нее войлочная шапка и бурнус, из которого видны были только два его глаза, и

³² [32] Отделение ада, отличающееся страшным холодом.

³³ [33] Дерево вроде тамариска, но меньшее, растет в песках, легко воспламеняется и ярко горит.

³⁴ [34] Принимая во внимание, что вес 3000 ратлей для груза дров слишком велик (3-6 т), я высказываю предположение, не имеем ли мы здесь определение качества денег: «два дирхема из дирхемов, вес которых (таков, что) 3000 дирхемов (это) один ратль». Правда, этому противоречит конструкция.

³⁵ [35] Время от начала раджаба до конца шавваля 309 г. соответствует от 5 ноября 921 г. до 2 марта 922 г.

³⁶ [36] Вероятно, имеются в виду блестящие инея, носящиеся в воздухе при сильном морозе.

³⁷ [37] «Колодец», «цистерна», «большой мех для жидкостей, сделанный из двух кож».

шаровары ординарные и другие двойные (с подкладкой), и гетры³⁸, и сапоги из кимухта³⁹ и поверх сапог другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем. И отстали от нас факих и му'аллим и отроки, выехавшие с нами из Города мира (Багдада), побоявшись въехать в эту страну. И поехали: я, и посол, и брат его сестры, и двое отроков, Такин и Фарис. В тот день, в который мы решились на отъезд, я сказал им: "О люди! С вами отрок царя⁴⁰, и он знаком со всем вашим делом. С вами письма султана, и я не сомневаюсь, что в них (находится) сообщение о посылке четырех тысяч динаров мусаййабских для него (царя). И вы прибудете к иноязычному царю, и он потребует у вас уплаты этого". Тогда они сказали: «Не бойся этого. Действительно, (наверное) он не потребует уплаты от нас». Я же предостерег их и сказал: «Я знаю, что он потребует от вас уплаты», но они не согласились⁴¹. Дело (снаряжения) каравана было готово, мы наняли проводника, которого звали Фалус из жителей аль-Джурджании. Потом мы положились на Аллаха могучего и великого, препоручили ему наше дело и мы отправились из аль-Джурджании в день понедельник по прошествии двух ночей (месяца) Ду-ль-ка'да триста девятого года⁴² и остановились в рабате, называемом Замджан, а это Баб-ат-турк (врата турок). Потом мы отправились на другой день и остановились на остановке, называемой Хабаб. Нас настиг снег, так что верблюды ступали в нем по колена. Итак, мы остановились на этой остановке два дня, потом мы устремились в страну турок, не сворачивая ни перед чем, и никто нам не встретился в пустынной степи без единой горы. Итак, мы ехали по ней десять дней, и нам встретились бедствия, трудности, сильный холод и последовательное выпадение снегов, при котором холод Хорезма был подобен дням лета. И мы позабыли все, [60] что проходило мимо нас, и были близки к гибели наших душ. Действительно, в продолжение нескольких дней нас постиг сильнейший холод. Такин ехал рядом со мной, а рядом с ним человек из турок, который разговаривал с ним по-турецки. И вот Такин засмеялся и сказал: «Действительно, этот турок говорит тебе: чего хочет господин наш от нас? Вот он убивает нас холодом, и если бы мы знали, чего он хочет, обязательно мы это ему предоставили бы». Тогда я сказал ему: «Скажи ему, — он хочет от вас, чтобы вы сказали: „Нет бога, кроме Аллаха“». Он же засмеялся и сказал: «Если бы мы (это) знали, то обязательно это сделали бы». Потом мы прибыли после этого в одно место, в котором огромное количество дерева ат-таг. Я совлек его вниз, развел огонь (в) караване, и они (спутники) согрелись, сняли свои одежды и подсушили их. Далее мы отправились и не переставая едем каждую ночь от полуночи до времени спуска солнца тотчас после полудня самой усиленной и напряженной ездой, какая только бывает. Потом мы останавливаемся. Когда мы проехали пятнадцать дней, мы достигли большой горы с множеством камней, на которой источники, прорывающиеся при раскопке воды. Когда мы пересекли их, (мы) прибыли к племени турок, известных под именем аль-Гуззия. И вот они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы) и они (гуззы) останавливаются или уезжают. Ты видишь их дома (то) в одном месте, то такие же в другом, как делают кочевники в своих переселениях; и вот они в жалком положении. Вместе с тем они как блуждающие ослы, не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но

³⁸ [38] Обувь без подошв, покрывающая голени.

³⁹ [39] Сорт кожи. В персидском это черная кожа лошади или осла, шагрень, морщенная кожа.

⁴⁰ [40] Царя болгар.

⁴¹ [41] Вся эта сцена приведена Ибн-Фадланом, вероятно, в оправдание себя, ввиду каких-то событий, происшедших уже по прибытии экспедиции к болгарам. Но конец рукописи, к сожалению, потерян.

⁴² [42] Понедельник 4 марта 922 г.

называют своих наибольших старцев господами. Итак, когда один из них просит о чем-нибудь совета у своего главы, он говорит ему: «О господин мой, что я сделаю в таком-то и таком-то (деле)?». И управляет ими совет между ними⁴³. Но (только) пока они потратятся на что-либо или решатся на что-либо, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и уничтожает то, на чем они уже сошлись. И я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают у них, но не веря в это. А если постигнет одного из них несправедливость или случится с ним какое-либо дело неприятное ему, он подымает свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-турецки (значит) «богом одним», так как «бир» по-турецки «один», а «тенгри» — бог (Аллах) на языке турок. Они не очищаются от экскрементов и от урины и не омываются от половой нечистоты и (не делают) другого чего-либо подобного. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой. Женщины их не закрываются от их мужчин и ни от кого из них, и также женщина не закрывает ничего из своего тела от кого-либо из людей. И действительно, как-то в один из дней мы остановились у человека из их числа и уселись, и жена этого человека вместе с нами. И вот, между тем, как она с нами разговаривала, вот она открыла свой «фардж» и почесала его в то время, как мы смотрели на нее. Тогда мы закрыли свои лица и сказали: «Прости господи!» Муж же ее засмеялся и [61] сказал переводчику: «Скажи им, — мы открываем его в вашем присутствии и вы видите его, а она охраняет его так, что к нему нет доступа. Это лучше, чем если она закроет его и (вместе с тем) уступит его кому-либо». Они не знают блуда, но если относительно кого-либо они узнают какое-либо дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они соединяют вместе промежуток веток двух деревьев, потом привязывают его к веткам и пускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их (деревьев) разрывается. Один из них сказал: «Дай мне услышать чтение»⁴⁴. Итак, ему понравился Коран, и он начал говорить переводчику: «Скажи ему: „Не умолкай“». Однажды этот человек сказал мне языком переводчика: «Скажи этому арабу: „Разве господь наш могучий и великий женщина?“». Я же ужаснулся этому, принес прославление Аллаху и прошение о помиловании. И вот он также произнес прославление и прошение о помиловании, так же, как это сделал я. И точно так же (вообще) правило у турка, — всякий раз, как он услышит мусульманина, произносящего прославление и говорящего "нет бога кроме Аллаха", он говорит также, как он.

Правила женитьбы у них такие: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, дочь его или сестру его или кого-либо из тех, кем он владеет, он одаряет его на столько-то и столько-то хорезмийских одежд. И когда он заплатит это, то и везет ее к себе. А иногда калымом бывают верблюды или лошади или иное подобное. И ни один не может соединиться со своей женой, пока не будет уплачен калым, на который согласился ее (женщины) владетель. А если он уплатил его, то он идет, не стесняясь, пока не войдет в помещение, в котором она находится, и берет ее в присутствии отца ее и матери ее и братьев ее, и они ему в этом не препятствуют. А если умирает человек, имеющий жену и детей, то старший из его детей женится на жене его, если она не была его матерью. Ни один из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, но только ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гnevаются и говорят: «Этот хочет нас околдовать: разве вы не видите, как он усталился в воду» и заставляют его платить деньги.

И не может ни один из мусульман проехать их страну, пока не назначат ему из их среды друга, у которого он останавливается, и привозит ему из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. И вот, когда он прибывает к

⁴³ [43] Эти слова целиком взяты из Корана, XLII, 36.

⁴⁴ [44] Дальше — «ал-Кур'ан».

своему другу, то тот ставит для него юрту и доставляет ему овец сколько может, так что мусульманину остается только закалывать их, так как турки их не закалывают. Действительно, кто-либо из них бьет по голове барана, пока он не умрет. И если тот человек захочет уехать, и ему понадобятся какие-нибудь из его (турка) верблюдов, или его лошади, или он нуждается в деньгах, то он оставляет то, что осталось, у своего друга-турка, а берет из его верблюдов, лошадей и имущества нужное ему и отправляется, а когда возвратится из того направления, по которому отправился, возмещает ему его деньги и возвращает к нему его верблюдов и лошадей. И точно так же, если проезжает у турка человек, которого [62] он не знает, (и если) потом тот ему скажет: «Я твой гость, и я хочу (получить) из твоих верблюдов и твоих лошадей и твоих дирхемов», — то он вручает ему то, что он захотел. И если умрет купец в той своей стороне и караван возвращается, то турок их встречает и говорит: «Где гость мой?». И если говорят: «Он умер», то караван разгружается. Потом он идет к самому выдающемуся из купцов, какого он видит среди них, развязывает его имущество, в то время как тот смотрит, и берет из его дирхемов соответственно своему имуществу (бывшему в пользовании) у этого (умершего) купца без лишнего зернышка, и также он берет из (числа) лошадей и верблюдов и говорит: «Это твой двоюродный брат (буквально — сын твоего дяди по отцу), и тебе более всего надлежит уплатить за него». А если он (первый купец) убежал, то он совершает то же действие и говорит ему (второму купцу): «Это такой же мусульманин, как и ты; возьми же ты у него». А если (этот) мусульманин не согласится возместить за его гостя таким путем, то он спросит о третьем, где он находится, и если его направят к нему, то он едет, ища его на расстоянии пути в несколько дней, пока не прибудет к нему и не заберет своего имущества у него, и также то, что дарил ему. Таков же и турецкий обычай: если он въезжает в аль-Джурджанию и спрашивает о своем госте, то останавливается у него, пока не уедет (обратно). И если турок умрет у своего друга мусульманина и (если) проедет караван, в котором есть его друг, то они убивают его и говорят: «Ты убил его, посадивши его в тюрьму, так как если бы ты не посадил его в тюрьму, то он, конечно, не умер бы». И точно так же, если он дал ему выпить набида⁴⁵ и он свалился со стены, — они убивают его за него. А если его нет в караване, то они берут самого выдающегося, кто есть среди них, и убивают его.

Поступок педераста у них (карается) очень строго. Действительно, некогда остановился среди племени Кударкина⁴⁶, — а он наместник царя турок, — некий человек из жителей Хорезма и оставался у своего хозяина некоторое время для покупки овец. А у турка был безбородый сын, и хорезмиец не переставал ухаживать за ним и склонять его к себе, пока тот не подчинился его желанию. Пришел турок и нашел их обоих в соединении. Тогда турок подал об этом жалобу к Кударкину. Он сказал ему: «Собери турок». И он собрал их. Когда они собрались, он сказал турку: "Хочешь ли ты, чтобы я судил по праву или впустую?" Он сказал: «По праву». Он сказал: «Приведи твоего сына». Он привел его. Он сказал: «Следует ему и купцу, чтобы они оба были убиты». Турок от этого пришел в гнев и сказал: «Я не отдам своего сына». Он же сказал: «Тогда купец даст выкуп за себя». Он это сделал и заплатил турку овцами за то, что он сделал с его сыном, и заплатил Кударкину четыреста баранов за то, что он снял с него (наказание), и уехал из страны турок.

Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, — Янал (йынал?) младший. Он прежде уже принял (было) ислам, но ему сказали: «Если ты принял ислам, то ты уже не наш глава». Тогда он отказался от своего ислама. Когда же мы прибыли в то место, в [63] котором он находится, он сказал: «Я не допущу, чтобы вы прошли, так как это такая вещь, о которой мы не слыхали совершенно, и мы не представляем себе, что она такое есть». Тогда

⁴⁵ [45] Напиток, упоминаемый у Ибн-Фадлана на протяжении всего его произведения, вплоть до русов, где он упоминается четыре раза. Это всякий хмельной напиток., в том числе и вино.

⁴⁶ [46] Как увидим далее, это не собственное имя, а титул.

мы подобрались к нему с тем, чтобы он согласился на (получение) джурджанского хафтана стоимостью в десять дирхемов и куска (материи) пай-баф⁴⁷, лепешек хлеба, пригоршни изюма и ста орехов. Когда же мы вручили все это ему, он поклонился (до земли) нам. А это их правило, — если почтит (подарком) человек человека, то он кланяется ему. Он сказал: «Если бы не то, что мои дома отдалены от дороги, я обязательно доставил бы вам овец и пшеницу», и он удалился от нас. Мы отправились, и на следующий день нас встретил один человек из турок — презренное творение с потрепанной внешностью, щуплого вида, с жалким существом. А на нас напал сильный дождь. Он же сказал: «Остановитесь», и караван остановился весь в целом, то есть около трех тысяч лошадей и пяти тысяч человек. Потом он сказал: «Ни один из вас не пройдет!» И мы остановились, повинувшись его приказанию. Мы сказали ему: «Мы друзья Кударкина». Он начал смеяться и говорить: «Кто такой Кударкин? Я испражняюсь на бороду Кударкина». Потом он сказал: «Паканд», что значит "хлеб" на языке Хорезма. Тогда я вручил ему лепешки хлеба. Он взял их и сказал: «Проезжайте, я смилоствовался над вами».

Он (Ибн-Фадлан) сказал: а если заболевает из них человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него ставят палатку в стороне от домов, и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет.

Если он был рабом или бедняком, они бросают его в пустыне и отъезжают от него.

А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку, его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом, оставляют перед ним сосуд из дерева с набидом, приносят все его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины, берут лошадей его в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И действительно, они растягивают это (все) на деревьяшках и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай». Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда же они упускают (не заботятся) убивать лошадей день или два. Тогда приходит к ним какой-нибудь старик из их старейшин и говорит: «Я видел такого-то, то есть умершего, во сне и он сказал мне: „Вот ты видишь, меня уже перегнали мои товарищи и потрескались мои ноги от следования за ними, и я не могу их догнать и остался один“». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле. И когда пройдет день или два, [64] приходит к ним этот старик и говорит: «Я видел такого-то, и он говорит: „Сообщи моим домочадцам и моим товарищам, что я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости“».

Он (Ибн-Фадлан) сказал: все турки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел дряхлого старика из их числа, который выщипал себе бороду и оставил немножко от нее под подбородком, а на нем (надета) шуба, и если увидит его человек издалека, то не усомнится, что это козел. Царя турок гуззов называют Ябгу или (вернее) это — название повелителя, и каждый, кто царствует над этим племенем, этим именем называется. А заместителя его называют Кударкин. И таким образом каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется Кударкин.

Потом мы, (уже) уезжая из области этих (турок), остановились у командующего их войском. Его зовут Атрак сын аль-Каг'ана. Он поставил для нас турецкие юрты, и мы остановились у него. И вот у него челядь и свита и большие дома. Он пригнал нам овец, и привели лошадей, чтобы мы закололи овец и ездили бы верхом на лошадях. Он пригласил всех своих домочадцев и сыновей своего дяди (по отцу) и убил для них множество овец. А мы уже (раньше) преподнесли ему подарки из одежд, изюма, орехов, перца и проса. Я видел

⁴⁷ [47] Материя, вытканная на особом ножном станке.

его жену, которая была женой отца его. Она взяла мясо и молоко и кое-что, что мы прибавили к этому, вышла из (пределов) домов в пустыню, вырыла яму и погребла в ней то, что было с ней, и говорила (какие-то) слова. Я же сказал переводчику: «Что она говорит?» Он сказал: «Она говорит: „эти приношения для аль-Кат'ана отца Атрака, которые преподнесли ему (в дар) арабы“». Когда же была уже ночь, вошел я и переводчик к нему, а он сидел в своей юрте, с нами было письмо Надира аль-Хурами, в котором он предлагает ему принять ислам (букв.: «приказывает ему покорность», т.е. Аллаху), побуждает его к нему и направляет к нему пятьдесят динаров, среди которых много динаров мусаййабских и три мискаля мускуса, целые кожи, две одежды мервские, — а мы скроили из них обоих (того и другого) для него две куртки и целые сапоги, одежду из парчи, пять одежд из шелка, и мы вручили ему подношения для него и вручили жене его покрывало и перстень. Я прочитал ему письмо, а он сказал переводчику: «Я не скажу вам ничего, пока вы не возвратитесь. Я напишу султану (т.е. халифу) о том, что я решу об этом». И он снял парчу, которая была на нем, чтобы надеть подаренные одежды, о которых мы сообщили. И вот, я увидел куртку, бывшую под ней (парчой), и она разрывается (будучи пропитана) грязью, так как у них (такие) правила, что ни один из них не снимает одежду, прилегающую к его телу, пока она не рассыплется на лоскутки (куски). И вот, он выщипал всю свою бороду и усы свои и остался как евнух. Я видел, что турки сообщали, что он самый ловкий наездник из них. И действительно, однажды я видел его, когда он ехал рядом с нами, на своем коне, и вот несся летящий гусь. Он натянул свой лук, в то время, как его лошадь ехала (двигалась) под ним (гусем), потом выстрелил в него, [65] и вот он уже сбил его вниз. Вот в один из дней он послал за предводителями, приближенными к нему, а они следующие: Тархан и Янал и сын Джабха и Баглиз. И был Тархан самый благородный из них, самый уважаемый из них, и был хромым, слепой, однорукий. Итак он (Атрак) сказал им: «Истинно, вот эти послы царя арабов к моему свату (зятю) Алмушу сыну Шилки и не хорошо было бы, если бы я отпустил их иначе, как после совета с вами». Тогда Тархан сказал: «Это такое дело, какого мы не видывали совершенно и не слыхивали о нем, и мимо нас не проходили какие-либо послы (какого-либо) султана с того времени, как существуем мы и отцы наши. А что думаю, так это то, что не иначе, как (этот) султан устраивает хитрость и направляет этих (людей) к хазарам, чтобы поднять их войной против нас, и мнение (мое), что пусть он (Атрак) разрежет этих послов пополам (каждого пополам), а мы заберем то, что с ними имеется».

И сказал другой из них: «Нет! но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились, откуда прибыли». И сказал (еще) другой: «Нет! но у царя хазар есть наши пленные. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех». И так они не переставали спорить между собой об этих вещах семь дней, а мы находились в смертельном положении, пока они не объединились на том мнении, чтобы отпустить нас и чтобы мы проехали. Мы же преподнесли Тархану мервский хафтан и два куска (материи) пай-баф, а его товарищам куртку и также Яналу и вручили им перец, просо, лепешки из хлеба. И они удалились от нас. Мы отправились, пока не достигли реки Багнади⁴⁸. Люди вытащили свои дорожные мешки⁴⁹, а они из кож верблюдов. Они расстелили их и взяли самок турецких верблюдов, так как они круглы, и поместили их в их пустоту (углубление), пока они (мешки) не растянутся. Потом они наложили их одеждой и (домашними) вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа (человек) в пять, шесть, четыре, — меньше или больше. Они взяли в руки деревянные из хаданга (белого тополя) и держали их, как весла, непрерывно ударяя, а вода несла их дорожные мешки и они (мешки) вертелись,

⁴⁸ [48] По-видимому, это река Чеган, вытекающая из южной оконечности Мугоджар и текущая вдоль Чинка.

⁴⁹ [49] По первоначальному значению — «еда, взятая с собой в дорогу», а далее «кусочек кожи, в которую она положена». Обыкновенно он имеет круглую форму, с продернутой по краю веревкой, так что он складывается, как мешок, в который и кладут еду, когда ее носят, а при надобности его расстилают на земле, и люди едят на нем, как на скатерти. Таково название и употребление этой вещи в пустыне.

пока они не переправились. А что касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь. Необходимо, чтобы переправился отряд бойцов, имеющих при себе оружие, прежде чем переправится что-либо из каравана. Они — авангард для людей, (следующих) за ними, (для защиты) от башкир, (на случай) чтобы они (т.е. башкиры) не захватили их, когда они будут переправляться. Итак, мы переправились через Багнади способом, описание которого мы сообщили. Потом мы переправились после этого через реку, называемую Джам⁵⁰, также в дорожных мешках, потом мы переправились через Джахаш, потом Адал, потом Ардан, потом Вариш, потом Ахти, потом Вабна⁵¹, а это все большие реки. Потом мы прибыли после этого к печенегам, и вот они остановились у воды похожей на море, не текущей⁵², и вот они темные брюнеты, и вот они с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам. Ведь я видел из (числа) гуззов таких, [66] что владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец. Чаще всего пасутся овцы на снегу, выбивая копытами и разыскивая траву. А если они не находят ее, то они грызут снег и до крайности жиреют. А когда бывает лето, то они едят траву и худеют. Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх (Хайдж)⁵³, а это самая большая река, какую мы видели, самая огромная и с самым сильным течением. И действительно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в ней, потонули, и люди (мужчины) погибли во множестве, и потонуло (значительное) количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом.

Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом после нее через реку Азхан, потом через Баджа; потом через Самур, потом через Кабал, потом через реку Сух, потом через реку Ка(н)джалу, и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из турок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отсекает ему голову, берет ее с собой, а его (самого) оставляет. Они бреют свои бороды и едят вшей, когда какая-нибудь из них будет изловлена. Кто-либо из них детально исследует шов своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Действительно, был с нами один из них, который уже принял ислам, и который служил у нас, и вот я увидел одну вошь в его одежде, он раздавил ее своим ногтем, потом съел ее.

Он (Ибн-Фадлан) сказал: (а вот) мнение уклоняющееся (от истины), каждый из них вырезает кусок дерева, величиной с фалл и вешает его на себя, и если захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует его (кусок дерева), поклоняется ему и говорит: «О, господин, сделай мне то-то и то-то». И вот я сказал переводчику: «Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание (объяснение) этому и почему он сделал это своим господином (богом)?» Он сказал: «Потому, что я вышел из подобного этому и не знаю относительно себя самого иного творца, кроме этого». Из них кое-кто говорит, что у него⁵⁴ двенадцать господ (богов): у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый больший

⁵⁰ [50] Это, по-видимому, река Эмба.

⁵¹ [51] Это реки между Эмбой и Уралом, разлившиеся тогда от весенних вод.

⁵² [52] Это, вероятно, озеро Индерское.

⁵³ [53] Это название, принимая во внимание фонетику тюркских языков, конечно, тождественно с именем «Яик», т.е. рекой Уралом.

⁵⁴ [54] Оборот речи показывает, что изложенное дальше вероучение не всеобщее, а принадлежит лишь определенной группе.

из них, но только он объединяется с ними (остальными богами) в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ. Аллах превыше того, что говорят нечестивые, высотой и величием.

Он (Ибн-Фадлан) сказал: мы видели, как (одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они (некогда) вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они (враги) обратили их (башкир) в бегство и что журавли закричали сзади них (врагов), так что они испугались и сами были обращены в бегство, [67] после того, как обратили в бегство (башкир), и поэтому они (башкиры) поклоняются журавлям и говорят: «Эти (журавли) наш господин, так как он обратил в бегство наших врагов», и поэтому они поклоняются им (и теперь).

Он (Ибн-Фадлан) сказал: итак, мы отправились из страны этих (людей) и переправились через реку Джарамсан⁵⁵, потом через реку Уран, потом через реку Урам, потом через реку Ба(б)а(н)адж, потом через реку Вати, потом через реку Банасна, потом через реку Джавашин. Расстояние от (одной) реки до (другой) реки, о которых мы упомянули, — два дня, или три или четыре, менее этого или более. Когда же мы были от царя славян, к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, то он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью (букв. под его рукой), своих сотоварищей и своих детей, и они встретили нас (неся) с собой хлеб, мясо и просо, и отправились вместе с нами. Когда же мы были от него на (расстоянии) двух фарсахов, он встретил нас сам, и, когда он увидел нас, он сошел (на землю) и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху великому, могучему. В рукаве у него были дирхемы и он рассыпал их на нас. Он водрузил для нас палатки (купола) и поселился в них. Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло двенадцать ночей (месяца) мухаррама триста десятого года⁵⁶, и было расстояние от аль-Джурджании до его страны семьдесят дней. Итак, мы оставались в воскресенье, понедельник, вторник и среду в палатках, которые были разбиты для нас, пока он не собрал царей, предводителей и жителей своей страны, чтобы услышать чтение письма. Когда же наступил четверг и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадь седлом, доставленным к нам, одели его (царя) в черное и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа и сказал ему: «Не подобает, чтобы мы сидели, когда читается это письмо». И он встал на ноги, — он сам и (также) присутствовавшие знатные лица из жителей его государства, а он человек очень толстый и пузатый. Тогда я начал, прочитал начало письма и, когда я дошел до того места его (где говорится): «Я призываю мир на тебя (приветствую тебя) и воистину я прослаблю (обращаясь) к тебе Аллаха, кроме которого нет иного бога», — я сказал: «Ответ пожеланием мира повелителю правоверных». И он ответил, и ответили все вместе. Переводчик непрерывно переводил для нас (т.е. наше чтение) слово в слово. Когда же мы кончили, то они провозгласили "велик Аллах!" таким возгласом, от которого затряслась земля. Потом я прочитал письмо визиря Хамида ибн-аль-'Аббаса, в то время как он (царь) стоял. Потом я приказал ему сесть, и во время чтения письма Надира аль-Хурами он сидел. Когда же я окончил его (письмо), его спутники рассыпали на него (царя) многочисленные дирхемы. Потом я вынул подарки, (состоявшие) из благовоний, одежд, жемчуга для его жены, и я непрерывно возлагал на него и на нее одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облек его жену в (почетный) халат в [68] присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, — таков их закон и обычай. Когда же я облек ее в халат, то женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились. Когда же прошло некоторое время, он прислал за нами, и мы вошли к нему, когда он был в своей палатке. Цари были с правой его стороны, нам он приказал сесть с левой его стороны, в то время, как дети его сидели перед

⁵⁵ [55] А.З.Валидов считает, что это Черемшан.

⁵⁶ [56] 12 мая 922 г.

ним, а он один (сидел) на троне, покрытом византийской парчой. Он велел подать стол (с яствами). Его подали, и на нем было только жареное мясо. И вот начал он, — взял нож, и отрезал кусочек, и съел его, и второй, и третий, потом вырезал кусок и вручил его Сусану послу, и когда он (Сусан) его получил, то ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока не вручит ему царь кусочек. И как только он его получит, то уже принесен ему стол. Потом он вручил (мясо) мне, и принесен был мне стол, потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим детям, и им принесли столы, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего, а когда он кончал с едой, то каждый из них то, что останется на нашем столе, уносил в свое жилище. Когда мы ели, он (царь) велел подать напиток из меда, который они называют ас-суджув, (который он употребляет) днем и ночью, и выпил кубок, потом встал во весь рост и сказал: «Это мое веселие о моем господине, повелителе правоверных, да продлит Аллах его пребывание (в этом мире)». И так как он встал, то встали и четыре царя и дети его, и мы встали также (и вставали) пока он делал это три раза. Потом мы удалились от него. До моего прибытия на его минбаре уже провозглашали за него хутбу: «О, Аллах! сохрани (в благополучии) царя Балтавара, царя Булгара». И сказал ему я: «Воистину, царь — это Аллах, и на минбаре этим именем не называется никто, кроме него, великого и могучего». И вот господин твой, повелитель правоверных, удовлетворился для самого себя тем, чтобы о нем на его минбарах на востоке и западе провозглашали: «О, Аллах! сохрани раба твоего и наместника (халифа) твоего Джа'фара имама аль-Муктадира-би-ллаха повелителя правоверных», и таким же образом (делали) бывшие перед ним его отцы (предки) халифы. И сказал пророк, да благословит его Аллах и да спасет: «Не восхваляйте меня без меры, как восхваляют христиане Иисуса сына Марии, ведь право же я раб Аллаха и посланник его» Он же сказал мне: «Как же подобает, чтобы провозглашали за меня хутбу?» Я сказал: «Твоим именем и именем твоего отца». Он сказал: «Но ведь отец мой был неверным, и я не хочу упоминать его имени на минбаре, и я также (был неверным), и я не хочу, чтобы произносилось мое имя, каким оно было, когда меня называли как неверного. Но, однако, как имя моего господина, повелителя правоверных?» Я сказал: «Джа'фар». Он сказал: «Подобает ли, чтобы я назывался его именем?» Я сказал: «Да». Он сказал: «(Итак), я [69] уже дал себе имя Джа'фар, а имя отцу своему 'Абдаллах⁵⁷, так что дай распоряжение об этом хатибу". Я сделал (это), и он (хатиб) стал провозглашать за него (царя) хутбу: «О, Аллах! сохрани раба твоего Джа'фара ибн-'Абдаллаха, повелителя (эмира) Булгара, клиента повелителя правоверных».

Когда прошло три дня по прочтении письма (халифа) и вручении подарков, он прислал ко мне. До него дошли сведения о четырех тысячах динаров и какова была хитрость христианина для⁵⁸ их задержки. О них (динарах) было сообщение в письме. Итак, когда я вошел к нему, он приказал мне сесть, и я сел, а он бросил мне письмо повелителя правоверных и сказал: «Кто принес это письмо?» Я сказал: "Я". Потом он бросил мне письмо визиря и сказал: «А это тоже?» Я сказал: "Я". Он сказал: «А деньги, упомянутые в них обоих, что с ними сделано?» Я сказал: «Трудно было их собрать, время было стеснено, мы боялись упустить (возможность) для приезда (сюда), так что мы оставили (их), чтобы они следовали

⁵⁷ [57] Имя 'Абдаллах значит «раб божий». Этим именем мусульмане иногда называют человека, настоящее имя которого неизвестно, а также при переходе кого-либо в ислам так называют его отца, не бывшего мусульманином и не имевшего мусульманского имени.

⁵⁸ [58] Вероятно, это упомянутый вначале управляющий Ибн-аль-Фурата, некий аль-Фадл ибн-Муса ан-Насрани. Если это так, то очевидно, что эти 4000 динаров должны были быть получены из конфискованного имущества Ибн-аль-Фурата, и вполне понятно, что их трудно было собрать — как говорит дальше Ибн-Фадлан. История эта рассказана глухо, вероятно потому, что сын Ибн-аль-Фурата все же имел влияние при дворе, да и сам он с осени 923 г. вновь стал везирем. Впрочем, возможно, что есть пропуск в рукописи.

за нами». Тогда он сказал: "Действительно, приехали вы все вместе, и то, что на вас истратил мой господин, он истратил для доставки этих денег, чтобы я построил на них крепость, которая бы защитила меня от иудеев⁵⁹, которые поработили меня, что же касается (этого) подарка, то мой отрок (и сам) хорошо мог бы его доставить". Я сказал: «Это верно, но только право же и мы (тоже) постарались». Тогда он сказал переводчику: "Скажи ему, — я не знаю тех людей, а действительно знаю тебя одного, и это потому, что эти люди не арабы, и если бы знал уstad, да поможет ему Аллах⁶⁰, что они доставят то, что ты доставляешь, он не послал бы тебя, чтобы ты сохранил (это) для меня и (чтобы) прочитал письмо мне и выслушал мой ответ. Я не потребую ни одного дирхема ни у кого, кроме тебя, так что отдавай деньги и это самое лучшее для тебя". Итак, я ушел от лица его перепуганным, удрученным. А у человека (этого) был (такой) вид и величавость, был он толстый и широкий, так что как будто он говорил из (большого) кувшина. Итак, я вышел от него, и собрал своих спутников и сообщил им, что произошло между ним и мною. И (я) сказал им: «Я вас от этого предостерегал». Ему муеззин, призывая к молитве, провозглашал икаму дважды⁶¹. А я сказал ему (царю): «Право же господин твой, повелитель правоверных, в своем доме провозглашает икаму один раз». Тогда он сказал муеззину: «Прими (к исполнению) то, что он говорит тебе, и не противоречь ему». Таким образом муеззин совершал молитву соответственно с этим указанием несколько дней, в то время, как он (царь) спрашивал меня о деньгах и препирался со мной о них, а я приводил его в отчаяние относительно этого и защищался доказательствами в этом (деле). Когда же он был приведен в отчаяние относительно этого, то дал распоряжение муеззину, чтобы он провозглашал икаму дважды, и он (муеззин) это сделал. А он (царь) хотел этим путем привести его к диспуту (обсуждению) со мной. Итак, когда я услышал, как он удваивал икаму, я запретил ему и закричал на него. Царь узнал об этом, [70] велел прийти мне и велел прийти моим спутникам. Когда же мы собрались, он сказал переводчику: «Скажи ему, — то есть мне, — что ты скажешь о двух муеззинах, из которых один провозгласил (икаму) один раз, а другой дважды, потом каждый из них обоих молился с народом, — допустима ли (законна ли) молитва или же нет?» Я сказал: «Молитва допустима». Он сказал: «С разногласием ли (муджтехидов) по этому вопросу или по (их) общему мнению (би-ль-иджма')?» Я сказал: «По общему мнению». Он сказал: «Скажи ему: а что ты скажешь о человеке, который вручил людям деньги, (предназначенные) для людей неимущих, осажденных, поработченных, а те обманули его?» Я сказал: «Это недопустимо и это люди скверные». Он сказал: «С разногласием или по общему мнению?» Я сказал: «По общему мнению». Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: ты знаешь, что если бы халиф — да продлит Аллах его пребывание (в этом мире)! — послал ко мне войско, то одолел ли бы он меня?» Я сказал: «Нет». Он сказал: «А эмир Хорасана?» Я сказал: «Нет». Он сказал: «Это не вследствие ли отдаленности расстояния и многочисленности между нами племен неверных?» Я сказал: «Да». Он сказал: «Скажи ему: итак, клянусь Аллахом, действительно я нахожусь в своем

⁵⁹ [59] Очевидно, имеются в виду хазары.

⁶⁰ [60] «Уstad» значит «учитель», «наставник». Так как царь присоединил к этому титулу еще и торжественное благословение, то, очевидно, имеется в виду какой-либо вельможа при дворе халифа.

⁶¹ [61] Икама есть второй призыв к молитве (салат), который возглашается муеззином перед пятью предписанными ежедневными молитвами, а также перед молитвой при пятничном богослужении. Этот второй призыв указывает момент, когда молитва начинается. Формулы икамы те же самые, что и азана. Согласно учению ханифитов, они повторяются так же часто, как и при азане, а согласно другим школам фикха — только один раз, за исключением слов «Аллах велик», которые, как в начале, так и в конце икамы, повторяются дважды. Таким образом, мнение Ибн-Фадлана с канонической точки зрения отнюдь не обязательно. Что касается собственно азана, то каждая его формула повторяется дважды, кроме первой, повторяемой четыре раза, и последней — один раз.

отдаленном местопребывании, в котором ты меня видишь, но действительно я боюсь своего господина, повелителя правоверных, и именно я боюсь, что до него дойдет обо мне что-нибудь такое, что он сочтет отвратительным, так что он проклянет меня, и я погибну в своем (отдаленном) месте, в то время как он будет оставаться в своем государстве, и между мною и им будут простираться далекие страны. В то время как вы постоянно ели его хлеб и носили его одежды и видели его, вы обманули его относительно размера посылки, с которой он отправил вас ко мне, к народу неимущих (людей), обманули мусульман, (но) я не принимаю от вас (помощи) в деле своей веры, пока не придет ко мне такой (человек), кто будет правдив со мной в том, что он говорит. И если придет ко мне человек такого рода, то я приму от него». Так он зажал нам рот, мы не сказали ничего в ответ и удалились от него. Он (Ибн-Фадлан) сказал: после этого разговора он (царь) почтил меня (отдал мне предпочтение), приблизил меня (к себе), удалил моих спутников и назвал меня Абу Бекр ас-Садук⁶². Я видел в его стране столько удивительных вещей, что я их не перечту из-за их множества, как, например, то, что в первую (же) ночь, которую мы переночевали в его стране, я увидел перед заходом солнца, в обычный час, как небесный горизонт сильно покраснел, и услышал в атмосфере сильный шум и ворчанье громкое. Тогда я поднял свою голову и вот, (вижу) облако, подобное огню, недалеко от меня, и вот, (я вижу, что) это ворчанье и шумы (идут) от него, и вот, в нем (видны) подобию людей и лошадей, и вот, в отдаленных фигурах, которые в нем (облаке) похожи на людей, (видны) копья и мечи, которые то казались мне совершенно ясными, то лишь кажущимися. И вот, (я увидел) другой кусок, подобный этим (фигурам), в котором также я увидел мужей, лошадей и оружие, и начал этот кусок нападать на тот кусок, как нападёт эскадрон [71] (кавалерии) на (другой) эскадрон⁶³. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они (жители) смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем. Он (Ибн-Фадлан) сказал: и мы смотрели на отряд, нападающий на отряд, и оба они смешались вместе на некоторое время, потом оба разделились, и таким образом это дело продолжалось некоторую часть ночи. Потом мы скрылись (от них). Мы спросили об этом царя, и он сообщил, что его предки говорили, что эти (всадники) принадлежат к верующим и неверующим джиннам⁶⁴, и они сражаются каждый вечер, и что они не прекращают этого с тех пор, как они (жители) живут (здесь), каждую ночь.

Он (Ибн-Фадлан) сказал: (однажды) вошел я и бывший у царя портной из жителей Багдада, попавший в эту область, в мою палатку, чтобы поговорить между собою. Итак, мы поговорили столько (времени), что человек не прочтает даже меньше половины одной седьмой (Корана). При этом мы ожидали ночного азана. Но вот (мы услышали) азан и вышли из палатки, а рассвет уже начался. Тогда я сказал муеззину: «Какой азан ты провозгласил»? Он сказал: «Азан рассвета». Я сказал: «А ночной (азан) последний?». Он сказал: «Мы читаем его молитву вместе с молитвой при заходе солнца». Я сказал: «А ночь?» Он сказал: «Как видишь. Были еще более короткие, чем эта, но только она уже стала прибавляться в длине». Он сообщил, что он вот уже месяц как не спит, боясь, чтобы не пропустить утренней молитвы, и это потому, что человек ставит котелок на огонь во время захода солнца, потом он читает утреннюю молитву и для него (котелка) не приходит время закипеть. Он (Ибн-Фадлан) сказал: я видел, что день у них очень длинный, именно в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короток. Итак,

⁶² [62] Т.е. «очень правдивый, верный в своих обещаниях».

⁶³ [63] «Катиба» — «эскадрон» — в арабском войске отряд кавалерии неопределенной численности, около 100-200 верховых.

⁶⁴ [64] По мусульманскому учению, джинны — это нейтральные духи, которые могут быть и «верующими» или, собственно, покорными Аллаху, и «неверующими», т.е. отвергающими его. Мухаммед, как пророк, обращался не только к людям, но и к джиннам.

когда наступила вторая ночь, я сел вне палатки и наблюдал небо и увидел на нем только небольшое количество звезд, — думаю, что около пятнадцати звезд; это вследствие малой темноты, так что в ней (ночи) человек узнает человека с большего (расстояния), чем расстояние выстрела стрелы. Он (Ибн-Фадлан) сказал: я видел, что месяц не достигает середины неба, но является на его краях на короткое время, потом является рассвет и месяц скрывается.

Царь рассказал мне, что за его страной на расстоянии трех месяцев пути есть люди (народ), которых называют Вису. Ночь у них меньше часа. Он сказал: Я видел, что в этой стране во время восхода солнца окрашивается красным все, что в ней есть, — земля и горы и все, на что ни посмотрит человек, и восходит солнце, подобно облаку по величине, и такая краснота продолжается, пока (солнце) не достигнет меридиана. Жители этого поселения⁶⁵ сообщили мне, что действительно, когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как (летний) день, а день делается таким коротким, как ночь, так что, если один из наших людей действительно выйдет к месту, называемому Атиль, — а между нами и им расстояние пути менее фарсаха, — во время появления утренней зари, то он достигнет его только ко времени полного наступления [72] ночи⁶⁶, когда появляются все звезды, так что они покрывают (все) небо. И мы не покидаем города, пока ночь длинна, а день короток. Я видел, что они считают очень благодетельным для себя вой собак и радуются ему и предсказывают год изобилия, благословения и благополучия. Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, накрутился десяток из них и более. Они не убивают их, и они (змеи) им не вредят, так что, право же, как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого была более ста локтей. Оно уже упало, и вот я вижу, что ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и тогда оно задвигалось, и меня испугало это. Я посмотрел на него внимательно и вот, (вижу) на нем змея, подобная ему по толщине и длине. Когда же она увидела меня, она спустилась с него (дерева) и скрылась между деревьями. Я же пришел (назад) испуганный. Итак, я рассказал (об этом) царю и тем, кто был у него на приеме. Они же не придали этому значения, а он (царь) сказал: «Не беспокойся, так как она не сделает тебе вреда».

(Однажды) мы остановились вместе с царем на одной остановке⁶⁷. И вошел я и мои спутники, — Такин, Сусан и Барис, — и с нами человек из свиты (спутников) царя (в некое место) между деревьями, и вот, он показал нам кустик, маленький, зеленый, такой тонкий, как веретено, но с более длинным краем. Он несет наверху развилки по одному листу, широкому, разостланному на земле, на которой как бы расстелены растения, а среди них (листьев) ягоды. Кто их ест, не сомневается, что это гранат имлиси⁶⁸. Итак, мы поели их и убедились, что он (доставляет) большое удовольствие, так что мы не переставали искать их и есть их.

Я видел у них яблоки очень зеленого цвета и с еще большей кислотой, похожей на винный уксус, которые едят девушки и жиреют от них. Я не видел в их стране чего-либо в большем количестве, чем деревьев орешника. Действительно, я видел из них леса (такие), что каждый лес имел сорок фарсахов (в длину) при подобной же (ширине).

Я видел у них дерево, не знаю что это такое, чрезвычайно высокое; его ствол лишен

⁶⁵ [65] Ибн-Фадлан говорит о жителях Булгара, причем ясно, что сам он там до зимы не оставался.

⁶⁶ [66] Место это указывает на местонахождение автора в это время уже в городе Булгар, который, согласно раскопкам, находился на некотором расстоянии от Волги.

⁶⁷ [67] Как видно из дальнейшего, Ибн-Фадлан ехал вместе с кочевьем царя Булгара.

⁶⁸ [68] Сорт граната, самый крупный, самый приятный на вкус и без зерен.

листьев, а вершины его как вершины пальмы, и у него вай⁶⁹. И он (Ибн-Фадлан) сказал: однако они (вай) соединяются, проходя к известному для них (жителей) месту его ствола. Они же (жители) пробуравливают его и ставят под ним сосуд, в который течет из этого отверстия жидкость (вода) более приятная, чем мед. Если человек много выпьет ее, то она его опьянит, как опьяняет вино⁷⁰, и более того.

Их пища (это) просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для себя, и у царя нет на это (эти посевы) никакого права, за исключением того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя. Если же он прикажет дружине (совершить) набег на какую-либо из стран, и она (дружина) награбит, то он имеет вместе с ними (дружинниками) долю. Каждому, кто устраивает для себя свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать [73] подношение (продуктов) царю в зависимости от размеров пиршества, а потом (уж) он вынесет (для гостей) медовый набид и пшеницу скверную, потому что земля у них черная вонючая, а у них нет мест (помещений), в которых бы они складывали свою пищу, так что они вырывают в земле колодцы и складывают пищу в них. Таким образом проходит только немного дней, как она портится (изменяется) и воспринимает запах, и ею нельзя пользоваться.

И у них нет ни (оливкового) масла, ни масла сезама, ни жира совершенно, и действительно, они употребляют вместо этих жиров рыбий жир, и все, что они с ним (этим жиром) употребляют, бывает сильно пахнущим. Они делают из ячменя мучной напиток, который пьют маленькими глотками девушки и отроки, а иногда варят ячмень с мясом, причем господа съедают мясо и кормят девушек ячменем. Но только когда бывает раннее утро, то она ест (часть) мяса.

Все они носят (особые) шапки. Итак, когда царь едет верхом, то он едет один, без отрока, и с ним нет никого, и когда он проезжает по базару, то никто не остается сидящим, (каждый) снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку, когда же он проедет мимо них, то они опять кладут свои шапки себе на головы. И точно так же все, кто входит к царю, мал и велик, включительно до его детей и братьев, как только окажутся перед ним, тотчас снимают свои шапки и кладут их себе подмышку. Потом они делают в его сторону знак головою и присаживаются, потом они стоят, пока он не прикажет им сесть, и каждый, кто сидит перед ним, право же, сидит стоя на коленях, и не вынимает своей шапки и не показывает ее, пока не выйдет от него (царя), и при этом (когда выходит) он надевает ее. Все они (живут) в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами. У него (царя) в середине ее (стоит) трон, покрытый византийской парчой. Из их обычаев (правил) один таков, что если у сына (какого-либо) человека (мужа) родится ребенок, то его забирает к (себе) его дед, прежде его отца, и он (дед) говорит: я имею на него большее, чем его отец, право в его доле, пока он не сделается (взрослым) мужем; если из них умрет человек (муж), то ему наследует его брат прежде его сына. Итак, я наставил царя, что это не дозволено, и наставил его, каковы (правильные) права наследования, пока он их не уразумел.

Я видел очень много гроз в их стране, и если гроза ударит на дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, каким он есть, и все, что в нем (находится), — человека и имущество и все прочее, пока не уничтожит его время, — и они говорят: это дом, на жителях которого лежит гнев.

И если (один) человек (муж) из их среды убьет (другого) человека (мужа) намеренно, они казнят его за него (за убитого), а если убьют его нечаянно, то делают для него ящик из

⁶⁹ [69] Длинные листья, как у пальм.

⁷⁰ [70] Описанное тут дерево, как указал уже Френ — береза, именно *Betula alba (pendula)*, с ее длинными свисающими ветвями.

дерева (материала) хаданга (белого тополя), кладут его внутрь его, заколачивают его (гвоздями) над ним, и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они ставят для него три куска дерева [74] наподобие дышел (от плуга), подвешивают его между ними, и говорят: "Мы подвешиваем его между небом и землей, (где) его постигнет (действие) дождя и солнца, — может быть, Аллах смилостивится над ним⁷¹". И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры.

И если они увидят человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Вот этот имеет право, чтобы он служил нашему господину». Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дереве, пока он не кончится. И действительно, рассказал мне переводчик царя, что некий синдиец остановился в этой стране и оставался у царя продолжительное время, служа ему. И был он ловок, понятлив. И вот, одна компания из них (жителей) захотела отправиться по их проездам. И вот, этот синдиец попросил разрешения царя отправиться вместе с ними. Он же (царь) запретил ему это. А он (синдиец) настаивал (в этом) перед ним, пока он не разрешил ему. Итак, он отправился вместе с ними в корабле. И вот, они увидели, что он подвижен, сметлив. Итак, они согласились между собою и сказали: «Этот (человек) превосходен для служения нашему господину, так отправимся же с ним к нему». Они следовали на своем пути мимо леса, и вот они ввели его (синдийца) в него (в лес), наложили на его шею веревку, привязали его на вершине высокого дерева, оставили его, и прошли (далее). И если они едут в дороге, и один из них захочет помочиться и помочится, имея на себе оружие, то они ограбляют его, берут его одежду и все, что есть с ним, и это у них такой обычай (правило). А кто сложит с себя оружие и положит его в сторону и (тогда) мочится, то они не препятствуют ему.

Мужчины и женщины спускаются в реку и моются вместе голые, не закрываются один от другого и не совершают прелюбодеяния каким бы то ни было образом и (для этого) нет никакой возможности. А кто из них совершил прелюбодеяние, кто бы он ни был, для него заколачивают четыре лемеха, привязывают к ним обе его руки и обе его ноги и рассекают (его) топором от его затылка до его обоих бедер. И таким же образом они поступают с женщиной тоже. Потом подвешивается каждый кусок его и ее на дерево. Я не переставал прилагать старания, чтобы женщины закрывались от мужчин, но это мне не удалось исправить. И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея. В их лесах много меду в жилищах пчел, которые они (жители) знают и отправляются для сбора этого, а иногда нападают на них (жителей) люди из числа их врагов, так они убивают их. У них много купцов, которые отправляются в землю турок, причем привозят овец, и в страну, называемую Вису, причем привозят соболей и черных лисиц. Мы видели у них домочадцев одного «дома» в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам, которые известны под именем аль-Баранджар⁷². Для них построили мечеть из дерева, чтобы они молились в ней. Они не умеют читать, так что толпа делает (повторяя) то, как (каким образом) молятся (другие). Действительно, как-то под моим [75] руководством принял ислам один человек (муж) по имени Талут. Итак, я назвал его «Абдаллахом», он же сказал: «Я хочу, чтобы ты назвал меня своим (собственным) именем Мухаммад», и я это сделал. И приняли ислам его жена, и его мать, и его дети, и всех их стали называть Мухаммадом⁷³. Я научил его (произнесению): «Хвала Аллаху» и «Скажи: он Аллах един», и радость его от этих двух сур была больше, чем его радость, если бы он сделался царем славян. Когда мы

⁷¹ [71] По-видимому, это замечание самого Ибн-Фадлана, а не местных жителей.

⁷² [72] Очевидно, аль-Баранджар — название данного рода.

⁷³ [73] Так как женщин именем Мухаммед называть не могли, то, по-видимому, из этого имени получилось как бы родовое прозвище. Надо отметить, что имя Ибн-Фадлана было не Мухаммед, а Ахмед. Однако оба имени весьма близки и иногда заменялись одно другим.

прибыли к царю, мы нашли его остановившимся на так называемой Халджа, а это три озера, из которых два больших, а одно маленькое. Но только среди всех них (озер) нет ни одного, дно которого было бы достижимо. Между этим местом и между их огромной рекой, текущей в страну Хазар, называемой рекой Атиль, (расстояние) около фарсаха. И на этой реке (находится) место рынка, который бывает во всякое время, и на нем продается много полезного товара.

Такин (еще прежде) рассказывал мне, что в стране царя есть (один) человек (муж) чрезвычайно огромного телосложения. Итак, когда я прибыл в эту страну, я спросил у царя о нем. Он же сказал: "Да, он был раньше в нашей стране и умер. Он не был из жителей этой страны и также (вообще) не из числа людей. История же его такова, что несколько купцов вышли к реке Атиль, как они (обыкновенно) выходят. А эта река поднялась, и вода ее выступила из берегов. Я не успел опомниться в этот же день, как уже прибыла ко мне толпа купцов, которые сказали: «О царь, следовал по воде (какой-то) человек (муж) (такой, что) если он из народа близкого от нас, то мы не можем оставаться (жить) в этих поселениях, и (не остается) ничего другого, как переселиться». Итак, я поехал верхом вместе с ними, пока не прибыл к реке, и вот, я около этого человека, и вот (я вижу), что в нем, (меряя) моим локтем, двенадцать локтей, и вот, у него голова (по величине) самый большой котел, какой только бывает, и нос больше четверти, а оба глаза огромны, а пальцы каждый больше четверти. Испугал меня его вид, и овладел мною такой же страх, что и теми людьми. И начали мы говорить с ним, а (он) не говорил нам (ничего), но только смотрел на нас. Я перевез его в свое местопребывание и написал к людям Вису, — а они от нас на (расстоянии) трех месяцев, — спрашивая их о нем. Они же написали ко мне, извещая меня, что этот человек (муж) из (числа) Яджудж и Маджудж⁷⁴, а они от нас на (расстоянии) трех месяцев, между нами и ими помещается море, на берегу которого действительно они (находятся), и они, подобно скотам, совокупаются друг с другом. Аллах могучий и великий выводит для них каждый день рыбу из моря, и вот, приходит каждый из них, и с ним (имеется) нож, и отрезывает себе от нее столько, сколько достаточно ему и достаточно для его семьи. Если же он возьмет сверх того (количества), которое их удовлетворяет, то заболит живот у него, и также у его семьи заболит животы, а иногда он умирает и умирают они все. Когда же они возьмут от нее (рыбы) то, что им нужно, она поворачивается и уходит в море. [76] Итак, они каждый день этим живут. А между нами и ими море, (которое находится у них) с одной стороны, а горы, окружающие их, с других сторон, и преграда (стена) ⁷⁵ также поместилась между ними и воротами (ед.ч.), из которых они обычно выходили. А когда Аллах могучий и великий захочет вывести их в обитаемые земли, то он произведет для них раскрытие преграды и высыхание моря, и прекратится для них рыба. Он (Ибн-Фадлан) сказал: тогда я спросил его (царя) об (этом) человеке (муже), и он сказал: «Жил (он) у меня некоторое время. Итак, бывало, не взглянет на него мальчик без того, чтобы не умереть, и беременная (не взглянет) без того, чтобы не выбросить своего плода. И бывало, если он овладеет человеком, то сжимает его обеими своими руками, пока не убьет его. Когда же я увидел это, я повесил его на высокое дерево, пока он не умер. Если ты хочешь посмотреть на его кости и его голову, то я отправлюсь с тобою, чтобы ты посмотрел на них». Я же сказал: «Клянусь Аллахом, я очень хочу этого». Итак, он поехал со мной верхом к большому лесу, в котором были огромные деревья. И вот уже разложился на дереве...⁷⁶, а голова его под ним

⁷⁴ [74] Библейские легендарные народы Гог и Магог. О них мусульманские сказания повествуют, что их победил Александр Македонский, построивший огромную преграду (стену) для ограждения культурного мира от их нашествия. Преграда эта будет разрушена лишь в день страшного суда.

⁷⁵ [75] Имеется в виду, конечно, легендарная преграда, построенная Александром Македонским против Гога и Магога.

⁷⁶ [76] Дальше несколько слов заклеены полоской бумаги.

(деревом), и я увидел, что голова его (человека) подобна большой кадке, ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и таковы же кости его голеней и обеих его локтевых костей. Я же изумился ему и удалился. Он (Ибн-Фадлан) сказал: и переехал царь от воды, по имени Халджа, к реке, называемой Джавашир, и оставался около нее два месяца. Потом он захотел (снова) переехать и послал к людям, называемым Саван, приказание ехать вместе с ним. Они же отказали ему, и они разделились на две группы: одна группа с неким родом, над которым как будто был царем (человек) по имени Вираг (?)⁷⁷. Царь же (Булгара) послал к ним и сказал: "Воистину Аллах могучий и великий уже благодетельствовал меня, давши мне ислам и верховную власть повелителя правоверных⁷⁸", так что я раб его, и это дело (?) возложил... кто (?)⁷⁹ будет мне противоречить, то я встречу его с мечом". Другая группа была с царем из некоего племени, которого называли царь Аскал. Он (Аскал) был в повиновении у него (царя Булгара), но только он (Аскал) еще не принял ислама. Итак, когда он (царь Булгара) послал к ним это послание, то они побоялись его намерения и поехали все в целом вместе с ним (царем Аскалом) к реке Джавашир. А это река с небольшой шириной, ширина ее пять локтей, а вода ее (доходит) до пупа, и местами до ключицы, а в большей своей части она (глубиной) в рост человека. Вокруг нее деревья, и суть⁸⁰ многие из этих деревьев хаданги (белые тополя) и другие, а недалеко от нее широкая степь, о которой передают, что в ней (есть) животное меньшее, чем верблюд, по величине, но выше быка. Голова его, это голова барашка, а хвост его — хвост быка, тело его — тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посередине головы один рог толстый круглый; по мере того, как он возвышается (приближается к кончику) он становится все тоньше, [77] пока не сделается подобным наконечнику копья. И из них (рогов) иной имеет в длину от пяти локтей до трех локтей в соответствии с большим или меньшим размером (животного). Оно питается (букв.: пасется на) листьями деревьев, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним (всадником) был рысак, то он (рысак) ищет спасения от него в усиленном бегстве, а если оно его (всадника) догонит, то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздухе и встречает его своим рогом, и не перестает (делать) таким образом, пока не убьет его.

А лошади оно ничего не причиняет каким бы то ни было образом или способом. И они (жители) ищут его в степи и лесах, пока не убьют его. Это (происходит) так, что (они) влезают на высокие деревья, между которыми оно (животное) находится. Для этого собираются несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно оказывается между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют его. И действительно, я видел у царя три больших миски, похожих на йеменские (раковины) «джаз'»⁸¹, о которых (мисках) он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного.

И сообщают некоторые (кое-кто) из жителей (этой) страны, что это (животное) носорог.

Он (Ибн-Фадлан) сказал: я не видел из них (ни одного) человека, который был бы

⁷⁷ [77] В имени нет диакритических точек. При разной расстановке точек при второй букве может быть Вйрг, Вбрг, Внрг, Втррг плюс те или иные гласные.

⁷⁸ [78] Т.е. тем самым царь признает себя частью феодальной империи халифата.

⁷⁹ [79] Это место заклеено двумя полосками.

⁸⁰ [80] В Мешхедской рукописи здесь только неясные черты.

⁸¹ [81] Маленькие раковины, служащие украшением для поясов и уздечек. Более старое значение этого слова — особые драгоценные камешки из Йемена. Итак, Ибн-Фадлан, по-видимому, здесь имеет в виду лишь сходство в форме, а не в размерах.

красным (от болезни), однако большинство их заболевшие, и от этого (этой болезнью) умирают. Большинство их имеет колику, и даже, право же, она есть у их грудных детей.

И когда умирает мусульманин у них, и (или) когда (умирает) какая-нибудь женщина-хорезмийка, то обмывают его обмыванием мусульман (т.е. по обряду мусульман), потом везут его на повозке, которая тащит (его) понемногу (вместе) со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором похоронят его. И когда он придет туда, они берут его с повозки и кладут его на землю, потом очерчивают вокруг него линию и откладывают его (в сторону), потом выкапывают внутри этой линии его могилу, делают для него боковую пещеру и погребают его. И таким же образом они (жители) поступают со своими мертвыми. Женщины не плачут над мертвыми, но их (жителей) мужчины плачут над ними. (Они) приходят в день, в который он умер. Таким образом они останавливаются у дверей его палатки и шумят (кричат) самым гнусным плачем, каким только могут плакать, и самым диким. Это — (люди) свободные. Когда же закончится их плач, приходят рабы, (неся) с собой сплетенные кожи, и непрерывно плачут и бьют свои бока и задние части своих тел этими соболями⁸², пока на их телах не образуются (следы) битья бичом. Им (жителям) надлежит водружать на дверях его палатки знамя, они приносят его оружие и кладут вокруг его могилы и не прекращают плача два года. Когда же закончатся два года, они снимают знамя и отрезают (часть) от своих волос, и родственники мертвого созывают званый пир, посредством которого дается знать об окончании их печали, и если у него была жена, то она выходит замуж. Это (так происходит), если он был из (числа) главарей, что [78] же касается простого народа, то они делают со своими мертвыми (только) кое-что из этого (обрядов). На царе славян (лежит) дань, которую он платит царю хазар, от каждого дома в его государстве — шкуру соболя. И когда прибывает корабль⁸³ из страны (города) хазар в страну (город) славян, то царь выезжает верхом и пересчитывает то, что в нем (имеется), и берет из всего этого десятую часть. А когда прибывают русы или же другие из прочих племен, с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову. Сын царя славян (находится) заложником у царя хазар. Еще прежде до царя хазар дошла (весть) о красоте дочери царя славян. Итак, он (царь хазар) послал сватать ее, а он (царь славян) привел доводы против него и отказал ему. Тогда тот отправил (экспедицию) и взял ее силою, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла (находясь) у него. Тогда он послал, требуя во второй раз. И вот, как только дошло это до царя славян, то он поспешил, и женился на ней (второй дочери) ради царя Аскал (человек) из числа находившихся под его (царя) властью, так как он (царь славян) боялся, что он (царь хазар) отнимет ее у него силой, как он сделал с ее сестрой. И вот, действительно, царь славян позвал (секретаря), чтобы написать султану (халифу) и попросить его, чтобы он построил для него крепость, так как он боялся царя хазар. Он (Ибн-Фадлан) сказал: однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно и (денежные) средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил султана, чтобы он построил крепость на свои неограниченные средства?» Тогда он сказал мне: «Я увидел, что (держава) ислама стоит впереди (других) и что их (денежные) средства берутся каждым, кто управляет ими, и вот, потому я и обратился с просьбой об этом. Если бы, действительно, я хотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то нет для меня в этом трудности. И, право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных, и просил его об этом».

Он (Ибн-Фадлан) сказал: я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни

⁸² [82] Слово значит и «соболь», и «кожи, шкуры соболя».

⁸³ [83] Так как слово стоит с определенным членом, то можно предполагать какой-то определенный корабль, регулярно прибывающий из Хазарии.

хафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису⁸⁴, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них (имеется) секира, и меч, и нож, и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы (сейчас) упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей?) и⁸⁵ тому подобного. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или (из) меди, или (из) золота, в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них (женщин) (несколько рядов) монист из золота и [79] серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист. Самое лучшее из украшений у них (русов) это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они (русы) заключают (торговые) контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен. Они грязнейшие из твари Аллаха, — (они) не очищаются от испражнений, ни от мочи, и не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они как блуждающие ослы. Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать, — меньше и (или) больше, и у каждого (из них) скамья, на которой он сидит, и с ними (сидят) девушки — восторг для купцов. И вот один (из них) сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и (таким образом) застаёт его сочетающимся с ней, и он (рус) не оставляет ее, или же (удовлетворит) отчасти свою потребность. И у них обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы посредством самой грязной воды, какая только бывает, и самой нечистой, а именно так, что девушка приходит каждый день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Итак, он моет в ней свои обе руки и свое лицо и все свои волосы. И он моет их и вычесывает их гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее и не оставляет ничего из грязи, но (все это) делает в эту воду. И когда он окончит то, что ему нужно, девушка несет лохань к тому, кто (сидит) рядом с ним, и (этот) делает подобно тому, как делает его товарищ. И она не перестает переносить ее от одного к другому, пока не обойдет ею всех находящихся в (этом) доме, и каждый из них сморкается и плюет и моет свое лицо и свои волосы в ней. И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом (он) говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», пока не сообщит (не упомянет) всего, что (он) привез с собою из (числа) своих товаров — «и я пришел к тебе с этим даром»; — потом (он) оставляет то, что (было) с ним, перед [80] этой деревяшкой, — "и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с

⁸⁴ [84] Примитивная одежда, представляющая собой просто одеяло или ковер, которыми одеваются.

⁸⁵ [85] Сильвестр де-Саси предлагал это "и" выкинуть. Это сделало бы текст более ясным, но, к сожалению, это второе "и" стоит во всех текстах. Поэтому приходится слово «изображения» понимать не в общем значении изображений или фигур, включающем и изображения деревьев, но в более узком значении. Я думаю, что предыдущие слова обозначают растительный орнамент, не имеющий собственно изобразительного характера, а в данном случае именно фигуры животных, людей и т.п.

многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу. Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если (все же) оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из (числа) этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «Это (эти) жены нашего господина, и дочери его, и сыновья его». И (он) не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними. Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его». И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые (находятся) вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревянные, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают все это. И говорит тот, кто это сделал: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар». И если кто-нибудь из них заболит, то они забивают для него шалаш в стороне от себя и бросают его в нем, и помещают с ним некоторое количество хлеба и воды, и не приближаются к нему и не говорят с ним, но посещают его каждые три (?)⁸⁶ дня, особенно если он неимуший или невольник. Если же он выздоровеет и встанет, он возвращается к ним, а если умрет, то они сжигают его. Если же он был невольником, они оставляют его в его положении, так что его съедают собаки и хищные птицы. И если они поймают вора или грабителя, то они ведут его к толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

И (еще прежде) говорили, что они делают со своими главарями при их смерти (такие) дела, из которых самое меньшее (это) сожжение, так что мне очень хотелось присутствовать при этом, пока (наконец) не дошло до меня (известие) о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания. А это бывает так, что для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его (мертвого) в него и сжигают его (корабль), а для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят их на три трети, — (одна) треть (остается) для его семьи, (одну) треть (употребляют на то), чтобы для него на нее скроить одежды, и (одну) треть, чтобы приготовить на нее набид, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них (кто-либо из них) умирает, держа чашу в своей руке.

[81] И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Говорит кто-либо из них: "Я". И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех, кто поступает (так), (это) девушки. И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: "Я". Итак, поручили ее двум девушкам, чтобы они оберегали ее и были бы с нею, где бы она ни ходила, до того даже, что они иногда мыли ей ноги своими руками. И принялись они (родственники) за его дело, — кройку одежды для него, за приготовление того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему. Когда же пришел день, в который будет сожжен (он) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль, — и вот, (вижу, что) он уже вытасен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева (материала) хаданга (белого тополя) и другого (дерева), и поставлено также вокруг него (корабля) нечто вроде больших помостов

⁸⁶ [86] Здесь есть филологические трудности. Существует вариант прочтения «но посещают его все время». Вполне понятно, что такой перевод кажется сомнительным, в виду и предыдущего, и дальнейшего текста.

(амбаров?) из дерева. Потом (корабль) был проташен (далее), пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходить, и говорили речью, (которой) я не понимаю. А он (мертвый) был далеко в своей могиле, (так как) они (еще) не вынимали его. Потом они принесли скамью, и поместили ее на корабле и покрыли ее стегаными матрацами, и парчой византийской, и подушками из парчи византийской, и пришла женщина старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье постилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма (?) большая (и толстая), мрачная (суровая). Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева (с деревянной крыши) и удалили в сторону (это) дерево и извлекли его (мертвого) в изаре⁸⁷, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набид и (некий) плод и тунбур⁸⁸. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял и не изменилось у него ничего, кроме его цвета. Итак, они надели на него шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и хафтан парчевый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку (калансуву) из парчи, соболевую. И они понесли его, пока не внесли его в ту палатку (кабину), которая (имеется) на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками и принесли набид, и плод, и благовонное растение и положили его вместе с ним. И принесли хлеба, и мяса, и луку, и бросили его перед ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним (букв. к его боку). Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом (они) [82] разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров (быков) и разрезали их обеих также и бросили их обеих в нем (корабле). Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих в нем (корабле).

А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин (данной) юрты и говорит ей: «Скажи своему господину: „право же, я сделала это из любви к тебе“». Когда же пришло время после полудня, в пятницу, привели девушку к чему-то, что они (уже раньше) сделали наподобие обвязки (больших) ворот, и она поставила обе свои ноги на руки (ладони) мужей, и она поднялась над этой обвязкой (обозревая окрестность) и говорила (нечто) на своем языке, после чего ее спустили, потом подняли ее во второй (раз), причем она совершила то же (действие), что и в первый раз, потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же, что сделала (те) два раза. Потом подали ей курицу, она же отрезала ее голову и забросила ее (голову). Они взяли (эту) курицу и бросили ее в корабле. Я же спросил у переводчика о том, что она сделала, а он сказал: «Она сказала в первый раз, когда ее подняли, — вот я вижу моего отца и мою мать, — и сказала во второй (раз), — вот все мои умершие родственники сидящие, — и сказала в третий (раз), — вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему». И они прошли с ней в направлении к кораблю. И вот она сняла два браслета, бывших на ней, и дала их оба той женщине, которая называется ангел смерти, а она та, которая убивает ее. И она (девушка) сняла два ножных кольца, бывших на ней, и дала их оба тем двум девушкам, которые обе (перед этим) служили ей, а они обе дочери женщины, известной под именем ангела смерти. Потом ее подняли на корабль, но (еще) не ввели ее в палатку (кабину), и пришли мужи, (неся) с собой щиты и деревянные, и подали ей кубком набид, и вот она пела над ним и выпила его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его и чтобы войти в палатку (кабину), в которой (находится) ее господин. И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в

⁸⁷ [87] Это большое покрывало или плащ, закрывающий все тело с головой.

⁸⁸ [88] По Френу, это струнный инструмент с круглым ящиком и длинной ручкой для струн.

палатку (кабину), но всунула свою голову между ней и кораблем, старуха же схватила ее голову и всунула ее (голову) в палатку (кабину) и вошла вместе с ней (девушкой), а мужи начали ударять деревяшками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, причем взволновались бы другие девушки, и перестали бы искать смерти вместе со своими господами. Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупились все с девушкой. Потом положили ее на бок рядом с ее господином и двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, и наложила старуха, называемая ангелом смерти, ей вокруг шеи веревку, расходящуюся в [83] противоположные стороны, и дала ее двум (мужам), чтобы они оба тянули ее, и она подошла, держа (в руке) кинжал с широким лезвием, и вот, начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время, как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла. Потом подошел ближайший родственник (этого) мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю, а лицом своим (...) ⁸⁹, зажженная деревяшка в одной его руке, а другая его рука (лежала) на заднем проходе, (он) будучи голым ⁹⁰, пока не зажег сложенного дерева (деревяшек), бывшего под кораблем ⁹¹. Потом подошли люди с деревяшками (кусками дерева для подпалки) и дровами, и с каждым (из них) деревяшка (лучина?), конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева (подпал). И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку, и (за) мужа, и (за) девушку, и (за) все, что в ней (находилось), подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение его (огня). И был рядом со мной некий муж из русов, и вот, я услышал, что он разговаривает с переводчиком, бывшим со мною. Я же спросил его, о чем он говорил ему, и он сказал: "Право же он говорит: «Вы, о арабы, глупы»,... Это (?) ⁹²; он сказал: «Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю) и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас». Тогда я спросил об этом, а он сказал: «По любви господина его к нему (вот) уже послал он ветер, так что он унесет его за час». И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились.

Он (Ибн-Фадлан) сказал: к порядкам (обычаям) царя русов (относится) то, что вместе с ним в его замке (дворце) находятся четыреста мужей из (числа) богатырей, его сподвижников, и (находящиеся) у него надежные люди из их (числа) умирают при его смерти и бывают убиты (сражаясь) за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему, и моет ему голову, и prepares ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, (которую) он употребляет как наложницу. И эти четыреста (мужей) сидят под его ложем (престолом). А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет, как наложницу, одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы (выше) упомянули. И он не спускается со

⁸⁹ [89] Здесь в начале новой строки заклеен текст в 6-9 букв. У Йакута этих слов нет.

⁹⁰ [90] Этнографы уже давно объяснили всю эту сцену тем, что человек этот разделся для того, чтобы мертвый не узнал его. Поэтому он и идет задом, и прикрывает сзади самое уязвимое место.

⁹¹ [91] В Берлинском кодексе рукописи Йакута приведен вариант: «и зажег то дерево, которое они уже (раньше) сложили под кораблем, после того, как положили девушку, которую они убили, рядом с ее господином». Этот текст весьма интересен и похож на подлинный, так как вполне понятно, что дрова наложили уже под конец, чтобы не вызвать преждевременного гнева мертвого желанием его сжечь. Однако, все же он уникален.

⁹² [92] Здесь в Мешхедской рукописи заклейка. У Йакута соответствующего текста нет.

своего ложа, так что если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то лошадь его подводится к [84] ложу, так что он садится на нее верхом с него (ложа). А если он захочет сойти (с лошади), то подводится его лошадь (к ложу) настолько, чтобы он сошел со своей лошади. У него есть заместитель, который управляет войсками и нападает на врагов и замещает его у его подданных.

Что же касается царя хазар, которого называют хакан, то, право же, он не показывается иначе, как (раз) в каждые четыре месяца появляясь в (почетном) отдалении. Его называют великий хакан, а заместителя его называют хакан-бех. Это тот, кто предводительствует войсками и управляет ими, руководит делами государства, и заботится о нем (государстве), и появляется (перед народом), и ему изъявляют покорность цари, находящиеся с ним по соседству. И он входит каждый день к великому хакану смиренно, проявляя униженность и серьезность (спокойствие), и он не входит к нему иначе как босым, (держа) в своей руке дрова, причем когда приветствует его, он зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем

Конец мешхедской рукописи Продолжение по Якуту

— на его скамью с правой его стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого замещает также муж, называемый джавишгар. И обычай (правило) большего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а управление по администрированию, исполнению наказаний и управлению государством (лежит) на его заместителе хакан-бехе. И обычай (правило) (касательно) большего царя тот, что если он умрет, то строится для него большой двор, в котором (имеются) двадцать домов, и вырывается для него (хакана) в каждом из домов его (этого двора) могила, и измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на сурьму⁹³, и расстилаются в ней (могиле) и бросается негашеная известь⁹⁴ поверх этого. А под этим двором и этой могилой (?) есть большая река, которая течет, и они помещают (проводят) эту реку над этой могилой⁹⁵ и говорят, что это для того, чтобы не добрался до нее ни шайтан, ни человек, ни черви, ни гнус. Когда он похоронен, то рубят шеи тем, которые его хоронят, чтобы не было известно, в каком из этих домов (находится) его могила. Могила его называется рай, и (они) говорят: «Он вошел в рай». И все дома выстланы парчой, вышитой золотом. И обычай (правило) царя хазар (тот), что у него двадцать пять жен, (причем) каждая жена из их [85] числа это — дочь кого-либо из царей, соперничающих с ним, которую он берет (себе) волей или неволей. И у него девушек наложниц для его постели шестьдесят, и только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных (жен) и наложниц (находится) в отдельном дворце, — у нее (есть) помещение в виде купола, покрытое тиком⁹⁶, и вокруг каждого купола (есть) пространство (для прогулок). И у каждой

⁹³ [93] Т.е. хазары здесь изготавливали какое-то вещество, напоминавшее, может быть по темно-синему цвету или другим признакам, сурьму (или свинцовый блеск).

⁹⁴ [94] Перед нами тут, по-видимому, антисептические, уничтожающие насекомых и пр. средства.

⁹⁵ [95] Смысл этого текста сводится к тому, что копают обводной канал, и могила оказывается окруженной со всех сторон водой, точно так же, как и дворец живого хакана находился, как известно, на острове.

⁹⁶ [96] По данным арабских словарей, это дерево, растущее только в Индии и вывозимое оттуда в остальные страны. Отличается это дерево большими листьями и огромной толщиной ствола. Оно темное по цвету, тяжелое и весьма прочное. Таким образом, это несомненно *Tectona grandis* L., широко употребляемое и в настоящее время для построек кораблей.

из них есть евнух, который ее стережет. Итак, если (хакан) захочет употребить одну из них как наложницу, он посылает к евнуху, который ее стережет, и (он — евнух) является к ней быстрее мгновения ока, чтобы он положил ее в свою постель, причем евнух останавливается у дверей «купола» царя. Когда же он (царь) использовал ее как наложницу, он (евнух) берет ее за руку и удаляется, и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение. Когда этот великий царь едет верхом, (то) едут верхом (также) все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа миля (расстояния), и не видит его ни один из его подданных иначе, как лежа ниц, поклоняясь ему, (и) не поднимая своей головы, пока он не проследует мимо него. Продолжительность (правления) их царя⁹⁷ — сорок лет. Если он переживет их (хотя бы) один день, то подданные и его знать убивают его и говорят: «Он таков, что уже уменьшился его ум, и его суждение (стало) неосновательным». Если он отправит (в поход) отряд, то он (отряд) не убегает вспять никоим образом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него (этого отряда) возвратится к нему (царю). А что касается предводителей и его заместителя, то если они обратятся в бегство, приводят их (самых) и приводят их жен и их детей и дарят их (в рабство) в их присутствии другим, в то время как они смотрят (на это), и точно также (дарят) их лошадей и их (домашнее) имущество и их оружие и их дворы (усады), а иногда он (царь) разрезает каждого из них на два куска и распинает их (на кресте), а иногда вешает их за их шеи на деревья. Иногда же, если смилуется над ними, то сделает их конюхами. У царя хазар (есть) огромный город на реке Атиль. Он состоит из двух частей (сторон, «концов») — в одной из этих двух частей (живут) мусульмане, а в другой части — царь и его приближенные. Над мусульманами (начальствует) муж из (числа) отроков царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная юрисдикция над мусульманами, живущими в стране Хазар и (временно) приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе (есть) соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней (есть) высокий минарет и несколько муеззинов. И вот, когда дошла (весть) до царя хазар в триста десятом году⁹⁸, что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в усадьбе аль-Бабунадж⁹⁹, то он приказал, чтобы минарет был разрушен, казнил (убил) муеззинов и сказал: "Если бы, право же, я [86] не боялся, что в странах ислама не останется ни одной синагоги, которая не была бы разрушена, обязательно я разрушил бы мечеть". Хазары и царь их все иудеи, а славяне¹⁰⁰ и все, кто соседит с ними, (находятся) в покорности у него (царя), и он обращается к ним (словесно), как к находящимся в рабском состоянии, и они повинуются ему с покорностью.

Конец отрывка Ибн-Фадлана о хазарах у Йакута

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

⁹⁷ [97] По-видимому, речь идет не о хакане, а о заместителе, что видно и из дальнейшего, где сказано, что он посылает войско.

⁹⁸ [98] Напомню, что посольство выехало из Багдада в июне 921 г. Прибыло оно к булгарам 12 мая 922 г. Это было начало, первый месяц, 310 г. хиджры, который начался 1 мая 922 г. и закончился 20 апреля 923 г. Итак, если Ибн-Фадлан и не был свидетелем описанных событий, то все же он, очевидно, слышал о них, причем упоминание данного года в свою очередь подтверждает, что данный текст принадлежит именно Ибн-Фадлану.

⁹⁹ [99] Какая-то местность в мусульманских странах.

¹⁰⁰ [100] Словом «ас-сакалиба» Ибн-Фадлан с самого начала обозначал жителей болгарского царства.